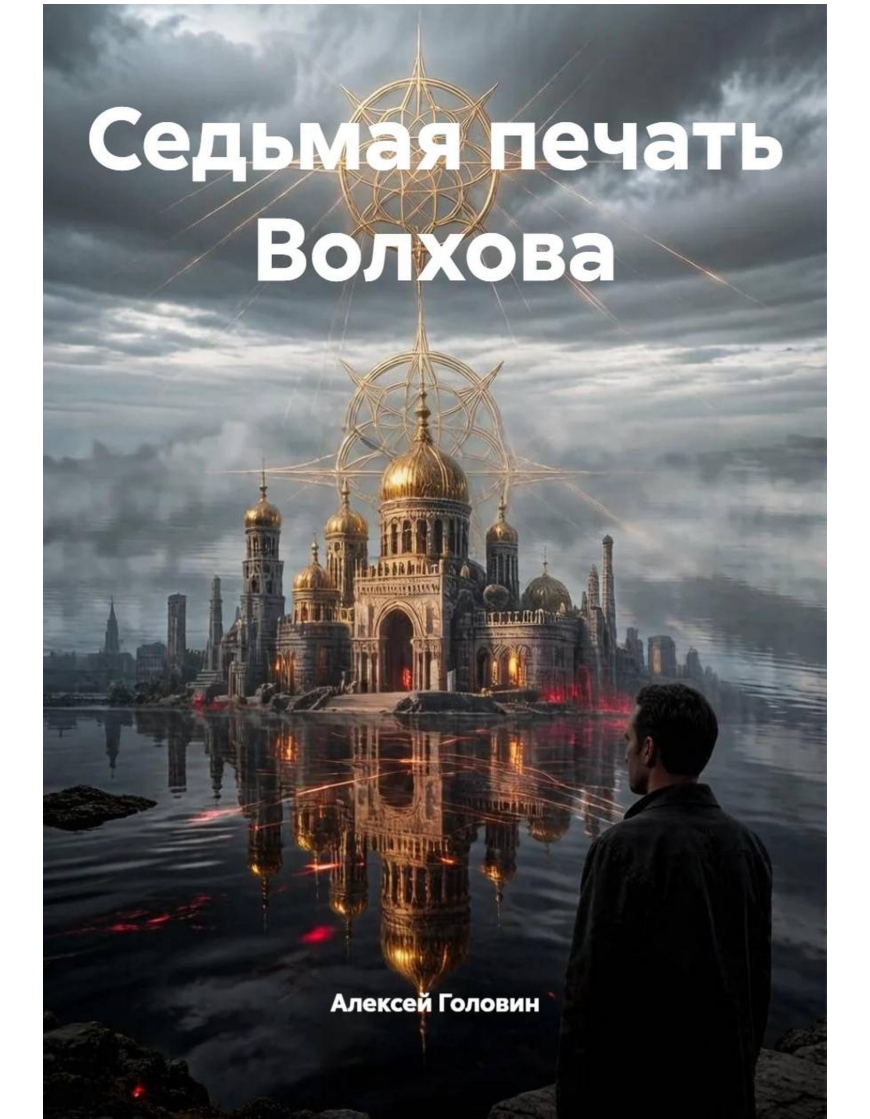

Седьмая печать Волхова

Алексей Головин

Алексей Головин

Седьмая печать Волхова

<https://litres.ru/74194639>

SelfPub; 2026

Аннотация

В древнем Новгороде находят манускрипт XIII века, в котором зашифровано пророчество о «седьмой печати» — мистическом портале, способном стереть грань между миром живых и мёртвых. Историк Арсений Вересов, специалист по средневековым текстам, получает загадочное приглашение от Фонда «Наследие» расшифровать находку. Но едва он касается пергамента, как вокруг начинают гибнуть люди — один за другим, и каждый раз смерть повторяет сюжеты древнерусских былин. Арсений понимает: манускрипт — не просто текст, это ключ к пробуждению тёмного существа, которое веками спало под водами Волхова. Вместе с дочерью погибшего археолога, Алисой, и бывшим следователем Глебом Шатровым он вступает в гонку со временем. Но чем глубже он погружается в расшифровку, тем отчётливее слышит голос, шепчущий: «Открой печать — и получи ответы на все свои вопросы...»

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Алексей Головин

Седьмая печать Волхова

Глава

«Седьмая печать Волхова».

В древнем Новгороде находят манускрипт XIII века, в котором зашифровано пророчество о «седьмой печати» — мистическом портале, способном стереть грань между миром живых и мёртвых. Историк Арсений Вересов, специалист по средневековым текстам, получает загадочное приглашение от Фонда «Наследие» расшифровать находку. Но едва он касается пергамента, как вокруг начинают гибнуть люди — один за другим, и каждый раз смерть повторяет сюжеты древнерусских былин. Арсений понимает: манускрипт — не просто текст, это ключ к пробуждению тёмного существа, которое веками спало под водами Волхова. Вместе с дочерью погибшего археолога, Алисой, и бывшим следователем Глебом Шатровым он вступает в гонку со временем. Но чем глубже он погружается в расшифровку, тем отчётливее слышит голос, шепчущий: «Открой печать — и получи ответы на все свои вопросы...»

Глава 1. Пергамент из тины

Арсений Вересов ненавидел запах болота. Он всегда казался ему запахом разложившегося времени — когда прошлое не умирает, а гниёт, выделяя липкий, сладковатый газ, от которого кружится голова. Сейчас этот запах забивался в каждую пору его зимнего пальто, смешиваясь с ароматом кофе из термоса и сыростью новгородской оттепели. Февраль 2026 года выдался на редкость мокрым — снег превращал-

ся в кашу под ногами, а свинцовое небо давило на плечи с такой силой, что, казалось, можно было утонуть в нём, как в той самой тёмной воде Волхова, что неслышно текла в сотне метров от раскопа.

— Профессор, вы идёте? — крикнул из низины курчавый парень в оранжевом жилете. — Там такое! Мы такого никогда не видели!

Арсений поправил очки и, чертыхнувшись, спустился по шаткой деревянной лестнице в котлован. Раскопки шли уже третью неделю. Фонд «Наследие», эта новая структура с офисом на Рублёвке и непонятными инвесторами, выбил разрешение на исследование участка возле древнего Юрьева монастыря.

Официально — изыскания перед строительством туристического кластера.

Неофициально — им нужен был именно этот слой. Слой XIII века.

Арсений знал об этом, потому что сам предложил его. Три года назад в архивах

Новгородского музея он наткнулся на странную запись в хозяйственной книге монастыря: «Л та 6729 (1221) м сяца сентября въ 8 день обр тоша въ тин свитькы нев дома, игумень же повел сокрыти до времени. А кто отворить — того смерть пожр ть, яко вода камень». Тогда он принял это за поэтическую метафору. Теперь, глядя на чёрный комок тины, который извлекли экскаватором из семиметровой глуби-

ны, он понял: метафора стала реальностью.

Арсений опустился на корточки перед находкой. Она лежала на куске брезента, огромная, как спящее животное, — спрессованный веками ил, в котором угадывались очертания прямоугольного предмета.

Рядом копошились сотрудники фонда: Алиса Соболева, дочь погибшего год назад археолога, с которой у него были сложные, почти враждебные отношения, и Глеб Шатров — бывший следователь, ныне «консультант по безопасности». Шатров стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди, и внимательно смотрел на небо.

— Глеб, ты чего? — спросил Арсений. — Там что-то есть?

— Нет, — ответил Шатров, не поворачивая головы. — Просто странное чувство. Как будто за нами следят.

Алиса фыркнула.

— Вечно у тебя паранойя. Это птицы. Или ветер. Арсений, давай уже открывай, пока темно не стало.

Арсений надел хирургические перчатки. Он любил этот момент — первое

прикосновение к вековой тайне. Его пальцы привычно нащупали край

предмета, и он начал осторожно отчищать тину. Слой за слоем отваливался, пока не показалась тёмная, почти чёрная древесина. Дуб. Твёрдый, как камень.

На поверхности виднелись странные знаки — не кириллица, не руны, а что-то

более древнее, тягучее, словно вырезанное жидкостью, которая застыла навечно.

— Это крышка, — прошептал Арсений. — Ларца. Или книги. Слишком тяжёлое для книги.

— Открывай, — скомандовала Алиса. В её голосе звучало нетерпение.

— Нет. Я должен отвезти это в лабораторию. Там рентген, спектроскопия...

— Арсений! — Алиса топнула ногой. — Мой отец погиб, расшифровывая то, что вы нашли в глиняных табличках! Он успел сказать мне одно слово перед смертью: «Печать». Он говорил о печати! И это она! Я чувствую!

Арсений посмотрел на неё поверх очков. Алиса была красива той беспокойной красотой, которую рождает постоянная борьба с миром, — острые скулы, глаза цвета волховской воды, короткие пепельные волосы. Он знал, что она винит его в гибели отца. И, возможно, была права.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Но только взглянуть. И не трогать ничего внутри.

Пальцы дрожали, когда он поддел замок — старый, железный, весь покрытый зелёной патиной. Замок щёлкнул и упал в грязь. Арсений медленно поднял крышку.

Внутри лежал пергамент. Свёрнутый в трубочку, перевязанный жилой — настоящей, сухожильной нитью. Арсений аккуратно развернул его. Свиток был исписан мелким уставом, но не церковнославянским. Это был какой-то другой

язык, похожий на древнерусский, но с вкраплениями греческих и, как показалось Арсению, финно-угорских слов.

— Что там? — спросил Шатров, приближаясь.

— Не могу разобрать, — признался Арсений. — Почти всё зашифровано. Но начало... начало я читаю. «Азь, Ярославъ, сынъ Всеволодовъ, князь новгородьскый, написахъ сие, яко повел ми архонтъ небесный. В день, егда твердь разверзется и Волховъ потечеть вспять, приидетъ седмый Посланникъ. И отверзетъ врата. И дасть вид ти живымъ то, что сокрыто въ воды...»

— Стой, — перебил Шатров. — «Седмый» — это седьмой?

— Да, — кивнул Арсений. — Седьмой посланник. Седьмая печать. И дальше:

«Тотъ, кто отворить врата, прозреть тайны бытия, но заплатить кровью седми близкихъ. И тогда бездна възрыдаеть, и возстануть мёртвые изъ тины».

Он замолчал. Тишина повисла над раскопом — только ветер шелестел в снежной каше.

— Бред, — сказал Глеб, но в голосе его не было уверенности. — Средневековое суеверие.

— Нет, — прошептала Алиса. Её лицо побледнело. — Мой отец читал это. Он

говорил, что это не пророчество. Это инструкция. Кто-то реально открыл эту печать. И он умер.

В этот момент у Шатрова зазвонил телефон. Он взял трубку, послушал, и его лицо сделалось каменным.

— В Новгороде только что утонул человек, — сказал он, убирая телефон. — В

Волхове. Прямо напротив Кремля. Тело нашли через два часа. Свидетели

говорят, что он шёл по берегу, споткнулся и упал в воду. Но там глубина — по колено.

— По колено? — переспросил Арсений. — В феврале? Там льда нет, но вода

ледяная. Человек мог замереть, упасть, захлебнуться...

— Он утонул в полуметре воды, — отрезал Шатров. — И на его шее была вот

такая же жила. Сухожильная нить. Обмотана вокруг горла, как ошейник.

Алиса сглотнула. Арсений перевёл взгляд на пергамент в своих руках. Свиток

дрожал — или это дрожали его руки? Слова кружились в голове: «Кровью седми

близких». Семь близких. Первый уже мёртв.

— Забираем всё это в Москву, — сказал Арсений, стараясь, чтобы голос звучал

твёрдо. — Немедленно. Мы должны расшифровать это, пока не случилось что-то ещё.

Он не знал тогда, что «что-то ещё» случится этой же ночью. И что следующим будет человек, который ближе всех стоял к нему в этом мире. Его старший брат, с которым он не разговаривал пять лет. Арсений почувствовал, как по спине пробежал холод — не от ветра, а от предчувствия. Пергамент словно нагрелся у него в руках, и на мгновение ему показалось, что кто-то невидимый дышит ему в затылок.

— Ты слышал? — спросила Алиса.

— Что?

— Голос. Кто-то сказал: «Открой».

Арсений прислушался. Ветер. Шум трассы. Крик чайки. И больше ничего. Но в

глубине сознания, там, где рождаются самые древние страхи, он действительно

услышал — нет, не голос, скорее мысль, не принадлежавшую ему:

«Ты первый, Арсений. Ты выбрал этот путь. Я ждал тебя девятьсот лет».

Свиток выскользнул из его пальцев и упал на брезент. Первая ночь охоты только

начиналась.

Глава 2. Тень на стене

Москва встретила Арсения промозглым утром. Он сидел в кабинете Фонда

«Наследие» — огромном помещении с панорамными окнами на Москву-реку, где вместо привычных для академи-

ческих институтов стеллажей стояли дизайнерские кресла и интерактивные панели. Фонд не походил на научную организацию. Скорее на штаб-квартиру спецслужб. Арсений уже начал жалеть, что согласился на их предложение, но любопытство пересиливало. Пергамент лежал перед ним в вакуумном боксе, а рядом — снимки его брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.